

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

### ЗАМЕТКИ О «СВОЕЙ» ПОЭЗИИ

1.

Одним из самых смертных грехов критика я считаю то, что он застегивается на все пуговицы, принимает непроницаемый вид и пишет: «нам кажется». Так и подмывает спросить: ну, а не «вам», а именно тебе, и не «кажется», а что ты думаешь конкретно о таких-то вещах? Но никто из критиков персонально так и не стал жертвой моей дерзости, а вот сам я однажды был награжден вопросом: - Зачем ты пишешь это дурацкое «я»? Несolidно. – Хорошо, мы подумаем, - хотел (опять хотел!) ответить я, - может быть, мы и заблуждаемся.

Неинтересно читать статьи, написанные с этим «мы» о прозе. Невыносимо – о поэзии. Стихи способны возбудить эмоции у самого, кажется, глухого к жизни человека, а в статье **критика** ничего, кроме унылого толкования образов, идей и т.д.

Между тем именно в разговоре о поэзии так хочется встретить удивление и даже растерянность перед чудом, хочется прочесть о первом, непосредственном знакомстве со стихами — пусть еще не все впечатления улеглись в голове и вы полностью находитесь во власти настроения, созданного стихами.

Какие бы точные определения поэзии ни были найдены, каждый человек когда-то открывает ее для себя впервые. Он знает, что поэзия есть «выражение жизни» (Белинский), знает миллион других, более широких и распространенных формулировок. Но разве, когда он подъезжает на поезде к морю, он не подготовлен к встрече? Разве он не слышал от других людей, не видел на картинах, в кинофильмах, на фотографиях, что море — это нечто необъятное, не поддающееся никаким описаниям и сравнениям? Да, человек уже ясно представляет свою встречу, и все же, когда море открывается перед глазами, в первую секунду не может удержаться от изумления, восторга и еще тысячи чувств, которые вслух заставляют сказать только одно: так вот оно какое! И уже забыты все

заранее сложившиеся с чужих слов восторги — сейчас море ваше, увиденное вашими глазами.

Эти заметки о поэзии — о поэзии моей. В них нет подробного разбора сильных и слабых сторон поэтов, нет (во всяком случае, надеюсь) академической скрупулезности в анализе стихов. Есть просто разговор о стихах, о том, какие чувства пробудили во мне те или иные строчки.

У каждого поэта есть стихи, которые Пушкина делают Пушкиным, Некрасова — Некрасовым, Блока — Блоком. Одну из последних книг Н.Асеев назвал «Самые мои стихи». Так вот, для Владимира Гнеушева, может быть, «самое его» стихотворение — «Сирень в провинциальном городке». У меня нет сейчас под руками текста (хотя я и помню его наизусть, но видеть перед собой стихотворение напечатанным — совсем другое дело). И, пожалуй, даже хорошо, что нет — меньше всего таким стихотворениям хочется «давать разбор». Они — как музыка: вы слушаете и не можете сказать, о чем «говорится» в этой мелодии, но в то же время вы великолепно чувствуете, что говорится, какое настроение создает тот или иной отрывок. О чем «Серенада» Шуберта? О чем журчит ручей, шумит море — разве расскажешь об этом словами? Но вы слушаете — и музыка пробуждает в вас тысячи воспоминаний — и печальных и светлых, — заставляет думать о будущем, радуясь и сокрушаясь, и теперь вы можете сказать: «Для меня «Серенада» в этот момент говорит о том-то».

Конечно, «Сирень в провинциальном городке» имеет конкретный, вполне определенный смысл: стихотворение это о щемящей любви к городу, где у человека прошла юность, о вечной благодарности родным местам, которая будет жить в его душе, и о том, как редко и случайно будет эта благодарность прорываться наружу. Но есть в этом стихотворении и другое — способность пробуждать у человека только свои чувства, свое настроение, как это делает музыка:

— Сирень в провинциальном городке

ее с росой поутру срезают.  
Отсюда уезжают налегке  
и никогда назад не приезжают.

Эти строчки действуют на меня так сильно, может «быть, потому, что в саду дома, где я жил, росли большие кусты сирени - белой и лиловой, вечером воздух был пропитан таким острым, знобящим запахом, что кружилась голова. А может быть, и не потому. Сразу вспоминается другое — школа, экзамены, дрожь перед тем, как взять билет, а в классе — целые груды сирени: и на столе — в вазочках и стаканах, и — в рассыпку — на подоконнике.

Во многих стихах В. Гнеушева каждый читатель может находить и брать что-то именно свое.

Колонны шли среди листвы  
опавшей.  
И в ясность песен  
репродуктор сиплый  
кидал свои торжественные марши.  
Они гремели радужно и властно,  
надолго в гулком воздухе  
повиснув.  
И на асфальт,  
по-утреннему влажный,  
как ласты, тяжело слетали листья.

Если нет у вас фотографии Ставрополя, а вы находитесь вдалеке от города, — прочтите эти строки, и вы должны увидеть проспект Октябрьской революции, трибуну перед входом в парк, березы перед зданием Первой школы, почувствовать свежесть ноябрьского утра. Сейчас демонстрация проходит на площади Ленина, у нового административного здания; в будущем, предположим, ее перенесут на проспект имени Карла Маркса. Но у меня воспоминания о демонстрации прочно связаны именно с трибуной у входа в парк (хотя в стихотворении таких конкретных деталей вовсе нет), березами у школы и аркой стадиона. Через несколько лет кто-то,

возможно, вспомнит площадь Ленина, кто-то — проспект имени Карла Маркса. А стихотворение будет прочитано одно и то же.

Это свойство — располагать читателя именно к своим, чисто субъективным мыслям и воспоминаниям — являлось сильной стороной В. Гнеушева всегда. Последние стихи открывают нам у поэта новые качества. При этом не всегда отрадны.

Где бы ни встретил — славлю  
одержимость,  
когда она решимости полна.  
И эту неприступную решимость—  
не преступленьем  
меряет она.

Цитировать стихотворение не буду — там есть строки и яркие, сильные, есть явно холодные. Подсчетом хороших и плохих здесь ничего не докажешь. Дело в самом пафосе стихотворения. Написано оно горячо, бурно, взволнованно. На первый взгляд. В нем есть что-то от бенгальского огня — шум, яркий огонь и вспышки, а потом темнота, и больше ничего. Мне возразят: позвольте, это публицистика, оружие боевое и нужное. Да, публицистика. И будь это стихотворение написано другим поэтом, его можно было бы расценить высоко. Но для Гнеушева оно не приобретение. Для Гнеушева, который может сказать о той же одержимости намного глубже, лиричнее, убедительнее по своей взволнованности. «Они остаются» — одно из лучших стихотворений московского «Дня поэзии 1963 года». Ему не нужно делать никаких комплиментов за публицистичность: в его авторе тесно слились и лирик, и трибун, и философ:

Бессмысленны такие утешенья,  
но вы,  
Мои далекие друзья,  
не плачьте, если,  
сдав от напряжения,  
в каком-нибудь полете рухну я.  
Тогда вы нас ищите в строчках  
этих,  
в прохладной,

яркой,  
утренней росе.  
В глотке вина,  
в растущих наших детях,  
в улыбках  
и на взлетной полосе...

В этих строчках снова виден  
Гнеушев, автор «самых своих» стихов.

### 3.

Есть ли какая-нибудь зависимость между бедностью (пусть будет так) рифмы и бедностью языка? Каждый скажет — есть. Рассуждение очень несложное: чем больше запас слов, тем больше возможностей для выбора свежей рифмы. Не так давно этот практический для поэтов вопрос был поставлен на основу научную, теоретическую. Только, вопреки ожиданиям, не литературоведом, а крупнейшим советским математиком А. Н. Колмогоровым. Он провел любопытные вычисления, сколько рифм может дать то или иное количество слов. Так, из десяти взятых на выбор слов найти одну рифмующуюся пару — вероятность очень слабая. Так же ненадежно и из двадцати, и твердая возможность появляется только при 50 словах. При 100 словах можно добиться уже тройной рифмы, при 200 — четырехкратной. Для того же, чтобы было свободное пользование многократными рифмами, нужен выбор не менее 1 000 произвольно взятых слов.

Интересно проиллюстрировать эту зависимость конкретным примером.

Вот полностью стихотворение А. Борисовой «Золотая осень».

В высоком небе  
птичья стая  
Спешит в далекие края.  
Настала, видно, золотая  
Пора осенняя моя.  
Пусть не весна,  
светлей и строже  
В янтарь одетые сады,  
Зато дарить нам осень может  
Румяно-зрелые плоды.

Две вещи сразу бросаются в глаза: бедность языка и старомодность рифмы. Уточню: бедность — вовсе не из-за

отсутствия необычных слов, вовсе не потому, что написаны стихи повседневным языком выглядят «простыми». Есть простота, когда самым обиходным лексиконом сказано значительно больше, чем формально заключено только в самих строчках, и есть простота, когда стихи выглядят скованно, создают впечатление, что автору явно не хватает слов, чтобы выразить свою мысль.

Теперь о классической рифме типа «морозы-розы», подвергнутой ироническому обстрелу еще Пушкиным. Опять нужно пояснить: рифму эту совсем не стоит сдавать в архив как устаревшую, даже при всем том, что она активно вытесняется рифмой более свободной. В данном случае она плоха опять-таки не тем, что она именно такая, а, допустим, не ассонансная.

«Края моя», «стая — золотая», «сады — плоды» — одно слово неумолимо влечет за собой другое, и труднее не отгадать, какую, пару приведет слово «края», чем отгадать.

### 4.

Критик чувствует, себя как-то неловко, когда пишет о поэте и ничего не говорит о недостатках его стихов. Мерещится каверзный вопрос: что ж, значит, стихи идеальные?

Вот в таком положении и я сейчас. Да, представьте, стихи Александра Екимцева (имею в виду пять стихотворений, опубликованных в разное время) без недостатков. Самый взыскательный редактор не имел бы к ним никаких претензий. Единственное, что мог бы пожелать он автору, — сделать стихи сильнее. Но эти более «сильные» стихи написал бы не А. Екимцев, а уже какой-то совсем другой поэт.

По одаренности, силе чувств, глубине мышления Кольцова нельзя ставить рядом ни с Пушкиным, ни с Лермонтовым. Но и такой, как он есть, Кольцов — замечательное явление в русской поэзии, и тот факт, что талант его намного меньше пушкинского, нисколько не мешает нам с удовольствием читать поэта и наслаждаться его стихами. И, разумеется, оттого, что А. Екимцев не

Твардовский, не Е. Винокуров и пусть даже не В. Гнеушев, мы не будем сдерживать эмоции и прикидывать: а как с недостатками — не могут же его стихи быть безупречными?

Начну со стандартной фразы: А. Екимцев — поэт лирического склада. Да, это очень общо и ни в чем совершенно не говорит. Мало что добавляет и другое: он автор лирики гражданской. Но Екимцев становится Екимцевым, когда скажешь, что в его стихах о России, о любви к просторам ее полей и скорби о погибших воинах характер поэта раскрывается с такой же полнотой и цельностью, глубиной и определенностью, как раскрывается он чаще всего только а лирике интимной, связанной с самыми субъективными, и близкими для поэта вещами. Все гражданские стихи А. Екимцева обязательно «личные», их невозможно представить произнесенными никаким другим голосом, кроме как негромким, чуть стеснительным, таким, каким человек сообщает близкому другу о своих радостях и своем горе.

Звездный свет снежинки  
разносили,  
Засветились ивы на лугу.  
Как тебя по отчеству, Россия?  
А Россией просто —  
не могу!

Поэт обращается к Родине, словно преодолевая внутреннюю неловкость, в словах его будто звучит извинение, что он не хотел бы беспокоить ее по пустякам, но слишком уж велико и, важно желание узнать, у нее отчество. И в этом: «А Россией просто — не могу!» виден характер, мягкий и деликатный, добрый и застенчивый. Человек, который долго не решается на трудное объяснение, но, решившись, высказывает все до конца, который не дает обещаний больших, чем чувствует на то свои способности, но дав — выполняет их любой ценой. А. Екимцев скуп на прямые признания в любви к людям, природе — делать их нет ничего проще. И нет ничего труднее, чтобы признания эти содержались в самом

обыденном рассказе о самых обыденных же событиях и фактах.

Мальчишки надрезают весной березы и из берестяного ковша пьют сок. Приятная поэтическая зарисовка, интересный, но бесцельный этюдик. Да, стихотворение было бы таким, если бы не последние четыре строчки:

В земной рожденный глубине,  
Теплом земли обласканный,  
Он будет с кровью наравне  
Над их сердцами властвовать.

Вот здесь теперь и разграничь, чему больше поэт выражает любовь — природе ли, самой ли Родине, просто ли радуется он весеннему обновлению жизни, когда вместе с пробуждением мира от зимней скованности крепчают ребятишки, напившись, богатырского, эликсира — березового сока.

У Екимцева нет любовной лирики. То есть нет «конкретных» стихотворений о «конкретной» любви к женщине. Но почти вся лирика Екимцева — любовная, если вспомнить замечательную запись в дневнике Марка Щеглова: «Любовь — какое-то вообще затасканное слово, а я вмещаю в него всю свою душу, исхотевшуюся жизни, всю тоску по людям, по смеху, по задору, по дружному шагу, по ласке, по изяществу, по теплу, по здоровью». Именно об этой любви и пишет А. Екимцев:

В моей душе  
Всегда не тает,  
Не тает грусти синий лед:  
Все мне чего-то не хватает,  
Чего-то мне недостает.  
Мне не хватает талых речек,  
Недостает мне вешних вод,  
Что по ступенькам на крылечко  
Легко поднимутся вот-вот.  
Мне не хватает троп,  
Что рожью  
Зарей бегут во все концы.  
И рослых трав,  
Что с ливнем схожи,  
Как будто братья-близнецы.

И еще одна встреча с поэтом.

Вот с плечиками девочка худыми

—

Не хочет разговаривать со мной.  
Она живет напротив, учит гаммы,  
Боится маму, слушается маму,  
А ей уже пошел двадцатый год,  
А ей бы жить среди больших

забот...

Это строчки, о которых вы непременно скажете: их автору двадцать — двадцать пять лет. Не потому, что девушке, е которой он хочет говорить, — двадцать лет. И не потому, что ее невнимание он принимает близко к сердцу. Так молодо видеть мир, так по-юношески (не в обидном значении этого слова) относиться к людям может только человек молодой. «Первые стихи поэта похожи на первую любовь: они живы, пламенны, естественны, чужды изысканности, вычурности, натяжек». Возможно, кто-то найдет такое «подкрепление» авторитетом великого критика незаслуженно высоким. Пусть. У Бабиченко есть строки, которые можно цитировать для подтверждения этих суждений.

Сколько существует солнц? — Одно, — ответите вы, — сколько же еще? Совершенно верно, но мы видим солнце неизменным, одним и тем же, когда сидим в своей квартире и находимся в поле за городом, плывем по реке и стоим в очереди в овощной ларек. Поэт видит солнце разным:

Нас будит солнце, огненное  
солнце,

Не то, какое видишь сквозь  
оконце,

Не то, что отразилось на паркете,  
А то, что в самом деле есть на  
свете.

В глазах поэта разным выглядит не только солнце, но и в отношении к людям он проводит грань резкую и бескомпромиссную:

Мне кажется, что люди — поезда,

А жизнь у них похожая на рейсы.  
Сквозь годы, сквозь мечты, сквозь  
города

Гудят стальные блещущие рельсы,  
Мигают стрелок синие огни,  
И мимо одноруких семафоров  
Пронесются стремительно одни,  
Другие продвигаются нескоро.

Разумеется, в экспрессивно-взъерошенных стихах Бабиченко можно отыскать много недостатков. Говорить о них сейчас нет никакого смысла, поскольку книга его вышла уже давно и автор (дай бог!) «переболел» большинством старых болезней. По причинам, о которых не принято говорить в критических статьях, новые стихи Бабиченко появляются в печати реже, чем того хочется. Но даже и то небольшое, что напечатано, радует.

Но вот...

И больше молвить нечего!  
Снежком присыпана слегка  
Лежит антоновка застенчиво  
На сером мраморе лотка.  
В ней все...  
В ней ветер машет ветками,  
И ливень кружит над травой,  
И в ней зелеными рассветами  
Щеглы свистят над головой...

Эти строчки не обязательно даже комментировать: все их достоинства «на виду». Да и задерживаться на них стоило, если бы весь рост Бабиченко только в том и состоял, что автор с большим вкусом, изяществом научился описывать яблоки на прилавке зимнего базара. Рост поэта в более глубоком. От горячих, взволнованных, но при этом часто описательных стихов он подошел к умению осмысливать действительность. Маленькая поэма «Бьется сердце земли» была на редкость сумбурной и несобранной. Новое стихотворение «Невинномысск» — своего рода поэма — уже цельная, со сквозной мыслью, проходящей от начала до конца. В сменяющих друг друга картинках необычайно хорошо передано движение времени:

...О городок!

А где твое начало?  
Не там ли,  
      где, запутавшись в траве,  
Избушка неудачника торчала  
Зимой и летом в шапке до бровей?  
.....  
Невинномысск!  
А дело ведь не в датах,  
(Когда основан был)  
А дело в том,  
Что на призывы истории солдатом  
Явился ты однажды октябрем.

Движение времени уже передано, но поэт не ставит точку. В городе строятся новые заводские корпуса, жилые дома — город продолжает шагать в будущее. И Бабиченко «ломает ритм», заканчивает стихотворение прозой, чтобы этой незавершенностью передать безостановочность развития жизни:

...Невинномысск!  
Пронесется со свистом  
Шоссе среди кварталов заводских.  
Что о тебе  
      матерые таксисты  
Лет через пять расскажут?

На этом пока закончим рассказ. Но пока: может быть, именно в эту минуту поэт пишет новое стихотворение...

б.

Ну, зачем ломиться в открытую дверь? Дискуссия о «физиках» и «лириках» уже прошла. «Лирикам» обеспечено спокойное будущее: «и в космосе нужна ветка сирени». Надо ли «защищать» их еще? Защищать не надо, но сказать несколько слов по поводу самой постановки вопроса стоит. Можно привести неотразимые аргументы того, что поэзия год от года пользуется не меньшим, а катастрофически возрастающим успехом. Это можно иллюстрировать даже чисто бытовыми примерами: пожаловаться, как трудно достать билеты на День поэзии (притом и в 1962 году, когда День поэзии проводился во Дворце Спорта вместительностью 14 тысяч зрителей). На то, какие сражения разыгрываются у книжных прилавков, когда в продажу

поступают сборники стихов, изданные тиражом тоже не мизерным — 50 и 100 тысяч экземпляров. Но вместо этого мне хочется привести два отклика на дискуссию, которые не смогли быть опубликованы в «Комсомольской правде». Первый сразу же внес бы ясность в бурные споры:

«Как сказать, что выше — естественные науки или искусство? Это два различных рода человеческой деятельности — вот и все: я люблю говядину, но люблю и устрицы; я не хотел бы быть лишен ни того, ни другого».

Эта мысль была высказана Н. Огаревым сто с лишним лет назад, но если бы она прозвучала года два назад, была бы современной и своевременной, как никогда. И вот второй отклик на дискуссию, высказанный тоже «излишне рано»:

«Если век может идти вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и развиваться, то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый раз заменяются другими — произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны» (А. Пушкин).

Практическое подтверждение тому — поэзия самого автора этих слов. Десятки страниц нужно для перечисления, что изменилось за полтора столетия, — несколько раз во многих странах менялись общественные формации, на смену пушкам, заряженным ядрами, пришли водородные бомбы, науки размежевались на смежные отрасли типа физической химии и химической физики, устарели взгляды Сен-Симона и Роберта Оуэна, Канта и Гегеля, а люди по-прежнему читают «Медного всадника» и «Евгения Онегина» так, как будто написано только вчера и опубликовано в последнем номере «Нового мира».

**Валерий ГЕЙДЕКО.**

